
Алексей НЕБЫКОВ

РАССКАЗЫ

ЧЕРТОГИ ДЕРЕВНИ КЕДРАЧ

Ярый дождь, раскисший подъезд и сбита по пути птица. Так начинались мои весенние недели в деревне Кедрач, в позабытом доме у кромки леса, где когда-то давно жил мой дед.

В эти дни последней декады апреля здесь должно быть тихо и нелюдимо. Рано было дачникам наезжать-набегать-наскакивать. А постоянных жителей, по рассказам отца, можно было разглядеть лишь по ночам, замечая редкий свет в окнах и едва уловимый туман дымоходов.

Я хотел дописать книгу и надеялся, что мрачный сруб в глуши будет лучшим для уединения местом. Мы никогда не ездили сюда с отцом. Он не любил этот дом и всегда без меня навещал деда. Давным-давно что-то между ними произошло, и отец так никогда и не рассказал мне об этом.

Дожди заливали всю неделю, а еще все дни стоял туман. Я сидел в заточении и писал роман, радуясь, что унылая погода помогает работать и что можно никуда не ходить, ни на что не отвлекаться. Наступило время моих, никому не обещанных, собственных минут.

Ночи здесь тихие, ничего не слышно. А тут еще и дождь монотонит своим необрывным касанием. Воздух — чистый, не надыхаться. Проваливаешься сразу в сон и пробуждаешься утром, точно проспал целую неделю.

В седьмую ночь по моему приезду снилось мне, что еду я неспешно по трассе, поворачиваю на Кедрач, а на указателе буквы «к», «р» и «ч» выцвели и облупились. Новое слово на знаке навело на мысль, что действительно было бы уже хорошо добраться до места и поесть, а то скоро четыре часа без отдыха. Только повернул, ни с того ни с сего занялась непогода: начал заливать дождь, небо замутило, зарокотал гром, запарила дорога. Кромешно стало кругом, темно, вдаль ничего не разглядишь. Фонари не спасают, дворники туда-сюда — не справляются. Вдруг откуда-то справа из чащи птица мелкая выскакивает. И прямо мне под колеса. Видно, хотела проскочить, да не успела. Накрутило ее на колесо и выбросило мне на боковое зеркало. Останавливаюсь, зажигаю аварийный свет. Дождь сечет, гром распекает. Смотрю, а на зеркале у меня и не птица, а кот смоляной с вороненком в зубах. Пасть в крови, зубы изломаны, хрипит. От этого ужаса я и проснулся.

Стал думать и вспоминать. Ведь было дело, сбил кого-то на подъезде, но не кошку. Точно не кошку, так птицу скорее, налетел на какой-то пустяк, даже царапин на краске не осталось. Слышу вдруг, кто-то надо мной надрывно начинает мяучить. Точно. Дождь стучит, а наверху кто-то мяучит, не усмиряется.

Алексей Александрович Небыков родился в 1982 году на острове Сахалин. Окончил МГЮА имени О. Е. Кутафина и ВЛК Литературного института имени А. М. Горького. Рассказы публиковал в сборнике «Точки», в журналах «Нева», «Роман-газета», «Аврора», «Бельские просторы», «Крым», «Петровский мост». Живет в Москве.

Выполз я из кровати, достал фонарь, подхватил полено. Тапок не нашел, но можно и без них. Отправился прочь на звуки. Отец прежде рассказывал, что в доме был чердак, там дед устроил дагеротипную лабораторию, где возился со снимками и аппаратурой. Туда, наверное, и пробралась зверина. Дед залезал на чердак через вход над кухней, но отец после странного исчезновения деда этот лаз заколотил. Теперь остался лишь вход с улицы — по дворовой лестнице с боковой стороны дома.

Надо сказать, что дед мой пропал, не оставив ни следа, ни тела. Поиски и опросы ничего не дали — затерялся в лесу, сгинул.

Кот все надрылся, а как безопасно попасть к нему, я не знал. За стенами холод, слякоть и темнота. Вокруг дома идти не хочется. Да и жутко ночью. Развернуться можно не так впотымах да слететь с лестницы. А вдруг это тот самый перебитый кот-птица до меня дополз. Мысль, конечно, фантастическая. Ну а если все же он?..

Решил я тогда постучать по крышке лаза в кухне, чтобы, мол, не шумели там наверху. Любая живность напугается. Так и сделал, и мяуканье прекратилось, а я, отложив дело до завтра, плотно затворил дверь в комнату и уснул.

Проснулся ближе к полудню. Дождь все так же заливал. Прислушался: тихо. Пошаркал ногами до кухни, подвигал стул, стукнул по потолку. Ни звука. Наверное, сбежал утром, или привиделось. Позавтракал и сел работать.

«Утром на крыльцо пришел здоровенный кузнечик и умер», — наступал я в экран. Начало главы хорошее, только помню, что где-то это уже было. Странная история про дни в глуши, там еще вроде пострадал кот, и что-то происходило с обитателями деревни... Нет, так нельзя. Писать я и сам могу. И стер предложение.

В тот же миг снова раздалось мяуканье. Значит, все так же сидит наверху, в беде или в засаде. Лезть на чердак придется, иначе не закончить книгу. Накинув промокаемую куртку, нацепив ватные тапки без задника (ничего другого подходящего у меня тут не было), я подхватил скалку и отправился на улицу.

Аккуратно переступая порог, точно опасаясь раздавить кузнечика, я прошлепал по лужам до угла дома. Снял с крюков подвешенную лестницу и направился к чердачному окну. Прислонив ветхие ступени к дому, стал виснуть на поперечинах. Меня они держали, выстоят и нас с котом. А если зверина будет царапаться, тогда я ее просто сверху аккуратно (если получится) сброшу.

Стал неспешно подниматься, добрался до чердачных створок, сдвинул просов (замок от времени куда-то сгинул?), схватился за ригель и распахнул ставни. В тот же миг все стихло. А предметы страсти моего деда предстали моему удивленному взору.

Дед был одержим дагеротипной съемкой. Кругом стояли, сидели и лежали манекены различных размеров, кондиций и положений. Полуистлевшее от сырости и времени тряпье висело на перекладине вдоль стены. Колбы с какими-то порошками и жидкостями в окутанных паутиной ящиках виднелись повсюду на полу. Стулья, небольшие креслица, люльки расставлены были там и тут. Разный инструмент и самодельные кронштейны валялись на столе при входе. А в самом центре чердака стояло что-то громадное, широкое, накрытое дымчатым пологом. Я подошел к сокрытому и потянул завесу на себя. Клубы пыли поднялись в воздух. Я зачихал и, прикрывшись рукой, отошел в сторону.

Когда пыль осела, я сумел разглядеть массивное старинное зеркало. Рама его точно была обожжена и исцарапана, а само лицо поверхности было разбито и замутнено. По всей высоте зеркала через трещины виднелись черные рытвины.

В сохранившихся осколках я вдруг увидел что-то под чердачным окном, что-то низкое и широкое прямо позади себя. Предмет без освещения был совсем неприметен. Я подошел к окну, откинул закрывавшие его плотные шторы и обнаружил рабочий стол деда.

На его массивной поверхности лежал дагер, главный участник страсти деда — искусной съемки. Тут же стояли керосиновая лампа, письменный прибор и покрытые пылью фотокарточки. Проведя ладонью по глади снимков, я увидел бабушку, ее нежное приветливое лицо и привычный немного застенчивый взгляд. А на втором разглядел двух маленьких мальчиков — отца и его брата, который несчастно погиб, увязнув в иле на озере, в возрасте восьми лет... А еще на одном снимке стоял рослый мужчина в стеганой ватной куртке неясного цвета, в черных брюках и сапогах. На голове его был картуз. Черты лица крупные, сильно развитая нижняя челюсть, большой, резко очерченный рот. Это был мой дед, моя кровь. Хотя, скажу честно, портрет его был уж больно каким-то суровым и даже страшным.

Возле стола стояло тяжелое кресло. Резные, уставленные предметами полки нависали над столом. На них разместились пластинки-дагеротипы, журналы, блокноты, письма и два фотоальбома — черного и серого цветов. Наверное, когда-то давно дед долгими ночами проводил здесь время, думая о своей семье и ссоре с моим отцом...

Я достал серый альбом с заклепками сверху. И, открыв его, с ужасом угадал на первом снимке своего сбитого кота. Тот же окрас, длина лап, обрез глаз. Только кот на карточке совсем не казался живым. Он лежал в неестественной позе на небольшом столе перед тем самым страшным зеркалом в центре чердака. Тень с дагером в отражении на снимке, несомненно, принадлежала деду.

Следующие страницы в альбоме были не менее жуткими. Каждая была украшена рельефными окошками, а внутри помещались снимки ветхих домов, комнат и, по всей видимости, их жителей. Разодетые мужчины и женщины сидели на стульях напротив домов с закрытыми глазами, стояли, привалившись к изгороди, лежали парами, тройками, целыми семьями на больших подушках в кроватях. Глаза прикрыты, уста сомкнуты, лица безмятежны. Дети в окружении кукол покоились в колясках, люльках, сидели, взявшись за ручки, на диванчиках. Всех их объединяло состояние нерушимого покоя или, скорее, глубокого сна.

Внезапный с улицы скрип оторвал меня от альбома. Я кинулся к выходу и через пелену дождя разглядел, как сосед напротив вышел с дровами из сарая. Лохматые космы, заросшее, горчичного цвета лицо. Он шел, будто раскачиваясь, подволакивал ноги, плечи его были перекошены, одно выше другого. Я окрикнул его. Но увидав меня, он лишь быстрее захрюкал к своему дому и, хлопнув дверь, скрылся.

Дикая эта неприветливость теперь не казалась мне странной. Другое беспокоило меня. И этот дом, и этого соседа я видел на сонных снимках. Тем карточкам уже более ста лет. А значит, подволакивающему ноги невеже — еще больше...

Я вернулся к столу и достал второй — черный — альбом. В нем оказались похожие серые, желтые, грязно-зеленые деревенские дома, такие же недвижимые люди, правда, многие из них были сфотографированы неоднократно, точно мой дед искал нужные ракурс, свет, позу, хотел добиться какого-то особого эффекта. На последних шести снимках изображалась моя семья. Перепуганная, растрепанная бабушка, успокаивала плачущего малыша — моего отца, который всеми силами пытался отстраниться от привалившегося на него, совсем сникшего братика. Все, кроме братика, были не в фокусе. В те годы съемка была долгой и утомительной. Зачем же дед так истомил отца, заставляя позировать?.. Меня вдруг замутило от жуткой догадки. Должно быть, все те спящие в альбомах люди и маленький братик моего отца были уже мертвы в момент постановки этих фотографических сцен...

От страшной разгадки я выронил из рук альбом, и он, упав на пол, развалился. Собирая фотографии, я обнаружил во внутреннем кармане альбома письмо. Моему деду писала бабушка.

Письмо было отправлено спустя всего несколько дней после гибели братика моего отца. Бабушка извинялась за то, что уходит от деда, и обвиняла его в том, что его не оказалось рядом, когда случилась беда, а он так был им в тот момент нужен. Она понимала его горе от потери сына, но не оправдывала жестокость пытки самых близких, вынужденных испытывать в течение длительного времени боль, запах гниения и страх, участвуя в глупом эксперименте с дагером, который ни к чему не привел и никогда не мог бы привести. Она сожалела о том, что всегда терпела его причуды: переезд в глушь, жизнь без общества и церкви, глупые запирательства окон и дверей, непрямую тишину в доме, бесконечные ночи без мужа, когда тот наверху в лаборатории, а главное жуткое увлечение посмертной съемкой, которое и привело к столь ужасной расплате — гибели сына. Она осуждала его богомерзкие суждения о возможности пробуждать умерших с помощью съемки и зеркала и не верила в воскресение погибшего кота, который, ожив, почему-то никому не показывается.

Этих строк было мне предостаточно, чтобы броситься прочь с чердака, слететь, обдирая руки с лестницы, собрать второпях вещи и покинуть, не заперев дом, деревню.

Дорогу разъезло, колеса вязли, несколько раз мне казалось, что никуда от этих мест мне уже не уйти. Дождь все так же засекал в стекло, а серая хмарь закрывало небо. Справившись с распутицей, я добрался до поворота на большую дорогу. И только здесь на границе с указателем «кЕДрАч» я увидел слабый луч света, еле-еле пробивающийся сквозь удушливую тьму окрестностей деревни. На какое-то мгновение мне показалось, что в отблесках света среди теней примыкающего к дороге леса я увидел рослого мужчину в ватнике и картузе. Рядом с ним стоял, сжимая в руках смоляную кошку, маленький мальчик. Вернувшись в тот день в город, я упал, не раздеваясь, на кровать и проспал в лихорадке не менее недели.

Уже потом, спустя годы, мне удалось разыскать в архивах некоторые сведения о своей семье. Мой прадед, так же как и дед, был одержим дагеротипом. Он работал в Европе с известным французским фотографом и воздухоплавателем, который поражал позирующих во время напряженной дагеросъемки разлетающимися из рук электрическими искрами. В те дни посмертная съемка была очень популярной. Ее доступность в сравнении с живописным портретом позволяла неимущим сохранять редкую наглядную память об усопших. Кроме того, люди прошлого наделяли фотографию с момента ее зарождения мистическим смыслом, кто-то верил, что запечатленные души ушедших будут жить в мрачных портретах, а кто-то — что сделанный вовремя снимок способен обмануть смерть и вернуть из потустороннего мира жизненные силы умершему.

Я не скоро, но дописал свой роман. Это случилось в день рождения деда. Чувство события захватило меня, и я отправился в город гулять по его улицам до поздней ночи. Вернувшись домой в возбужденном состоянии, я долго не мог открыть дверь, а справившись с ней, повалился спать прямо на пороге.

Мне снилось, что я купил дачу и отправился ее обживать. Вбивая во сне в навигатор деревню Кедрач, я несколько не удивился и даже расхохотался от удовольствия. Мелькнувшему на пути указателю «кЕДрАч» я просигналил в ответ. Кот под колеса в этот раз не бросился, погода стояла ясная, никакой тьмы, дождя или тумана. На подъезде меня встретил сосед, тот самый, подволакивающий ноги. Я спросил его, много ли теперь в деревне живет людей? Он ответил, что теперь немного. А что так? Память, говорит, меня сейчас часто подводит. Но помню, был повальный туберкулез, многие померли, а те, кто нет, благодаря твоему прародителю и теперь по деревне бродят, правда, кто-то из них онемел, а кто-то совсем безлюдным стал. Но коли я приехал, сегодня все ко мне и придут, чтобы здороваться и насовсем принимать.

И он улыбнулся своими гнилыми зубами. Как так придут? Зачем насовсем? Думал я во сне и странно для самого себя невозможно радовался.

Дальше продолжалось все будто в бреду. Загнав во двор машину, я полез на чердак, растворил настужь вход, сбросил пелену с зеркала и стал налаживать дагер. Через какое-то время полезли ко мне наверх поселяне. Ветхие, сыпучие, желтые, смрадные, совсем, в общем, неживые. Окружили меня и давай тащить к зеркалу. Принесли какой-то кронштейн, подвесили за шкирку. Кряхтят, сопят, хрипят, а слова живого не скажут. Тут сосед из дома напротив берет со стола дагер и начинает мертвецов со мной фотографировать. Как закончу, кричит, одним из нас станешь, будешь так же ноги подволакивать и молчать. А я смотрю, будто дед сидит за столом в своем нарезном кресле, на коленях у него мальчик, а в руках у того смоляной кот. Смотри, кричит дед, ребята. Не верит он вам. А ну-ка, сосед, выбей-ка у него эмоцию, схвати его за щеки! Тот ко мне, хватъ за лицо и давай теревить. Кожа на его пальцах от натуги вмиг растрескалась, кости наружу повылезли. Тут я проснулся. Гляжу кругом — на пороге квартиры лежу, дверь распахнута, а на половике дохлый кузнечик.

ТАЯ

Не беспокойтесь, что не сумеете умереть: сама природа, когда придет срок, достаточно основательно научит вас этому; она сама все за вас делает, не занимайте этим своих мыслей...

Мишель де Монтень

1

Тая покидала родительский дом — такой теплый и знакомый когда-то, а теперь окончательно опустевший. Первым его оставил отец, потом уехала Тая, а теперь навсегда ушла и мама. Дождь стучал в окна такси, увозившего Таю на свидание, которого, как оказалось, она ждала долгие годы.

Дом начнут освобождать от вещей на следующей неделе: чужие руки что-то выбросят, что-то кому-то продадут, а то, что она захотела сохранить, перевезут в другой город, в ее затерявшуюся далеко от родных мест квартиру. Все самое важное она сложила в небольшую коробку и забрала с собой: семейные фотографии, памятные безделушки, любимые книги отца, личные украшения матери и письма родителей, о существовании которых она не подозревала и которые так сильно возмутили ее чувства, нарушив привычный порядок вещей.

Трудно сказать, действительно ли мама хотела, чтобы Тая нашла и прочла эти письма, но судьба распорядилась так, а не иначе, и, разбирая библиотеку отца, Тая открыла наугад его любимый роман — тот, который они много раз читали вместе, и вдруг из него выпал плотный конверт, подписанный рукой матери: «Моей дочери Тае. Если ты нашла это письмо, значит, тебе суждено все узнать. Открой его, не торя времени!»

Тая поставила книгу на место, затворила шкаф и начала читать. Но сердце ее так сильно колотилось, что она долгое время не могла понять написанного и перечитывала строки вновь и вновь, закрывала письмо с тем, чтобы в очередной раз открыть его. Письмо поразило ее, вот оно:

«Тая, милая моя, как начать это письмо к тебе, скоро ли ты его прочтешь, да и обнаружишь ли когда-нибудь? Что бы ни случилось со мной, помни: все светлое и живое

в моем сердце связано с тобой. Ты — мое счастье и гордость, все смыслы моей жизни сводятся к тебе. Лишь одно омрачает мысли мои, не дает мне покоя... Много лет храню я тайну, и тяжело писать мне это письмо. А потому, проплакав несколько часов этой ночью, я расскажу тебе о нашем с тобой одиночестве, о папе.

Ты помнишь, как уезжал твой отец — по срочному делу, на неделю, а потом я сказала, что он погиб и больше не вернется. Знай, это не так, он жив и, может быть, будет жив еще, когда ты прочтешь это письмо, и если захочешь, ты сможешь увидеть его...

Трудно, Тая, очень трудно понять себя по-настоящему. Бывает, что принимаемое решение кажется нам правильным, а затем мы сожалеем о нем, считая ошибкой. Мы думаем, что заботимся о близких, тогда как на самом деле калечим их. Неправду об отце я не извиняю, но чувство долга перед твоим будущим пересилило во мне слабости душевные, и я скрыла истинные причины его отсутствия, чтобы не терзать твое юное сердце несбыточной надеждой. Ведь всегда проще стерпеться с утратой необратимой, чем вынужденной. Я думала, что расскажу тебе все со временем, но годы шли, и мне так и не хватило мужества признаться тебе во всем, я так боялась ранить, разочаровать тебя... И даже сейчас, когда пишу эти строки наедине с собой, руки мои дрожат, а сердце сжимается.

Ты давно оставила меня, и вряд ли найдешь это письмо раньше, чем я уйду навсегда... А я, покидая этот мир, буду помнить, что открылась перед тобой, и верить, что ты меня простишь. В конверте ты найдешь письмо отца, в нем все ответы, вся его любовь к тебе, вся нежность и ласка. Прочти его, местами оно покажется тебе необычным, странным, но я надеюсь, что ты сможешь понять и простить меня, отца, нас. Люблю тебя бесконечно, мама».

Тая была ошеломлена, она едва могла успокоить свои возмущившиеся чувства. В конверте она нашла желтые, слежавшиеся, сложенные вчетверо, исписанные листы бумаги. Она растерянно держала их в руках, не решаясь развернуть. Ей казалось, что, сделав это, она почти преступление совершит. Наконец Тая отделила слипшиеся листы друг от друга. Видно было, что их часто перечитывали: выцветшие чернила во многих местах расплылись — должно быть, от слез. Тая начала читать. Пробежав глазами несколько страниц, она убрала письма в коробку с вещами родителей, вызвала такси и поехала туда, где был сейчас ее отец. Минуты, отделявшие ее от встречи с ним, казались теперь бесконечными.

Такси аккуратно пробиралось через город, дождь скучно отбивал свой ритм, а Тая читала письмо отца, не замечая ничего вокруг. Вот это письмо:

«Тая, милая, прости меня! Знаю, что обещал звонить, когда уезжал, обещал вернуться... Слова мои остались просто словами, обещания нарушены, а надежды твои обмануты...

Как ты? Как живешь без меня? Спрашиваю и понимаю, что ответа не будет, что подробности твоей жизни никогда не станут мне известны, но знаю, что ты преуспеешь в жизни и будешь счастлива. А я был счастлив с первых минут твоего рождения, мир мой преобразился тобой, я наслаждался им и был доволен судьбой, а потом вдруг стал самым бедным человеком на свете, когда был вынужден покинуть тебя...

Тревоги рождения побуждают нас отчаянно стремиться к безопасности, мы тянемся к родителям своим с первых дней, нуждаемся в их любви и заботе, и я был рядом с тобой, оберегал тебя, больше всего на свете хотел быть твоим защитником, но больше делать этого не могу... Не смогу беспокоиться, поддерживать тебя, когда ты вырастешь и отправишься в школу, не смогу радоваться за тебя, когда первые твои дела будут достойно оценены, не смогу тревожить тебя звонками, когда ты покинешь безопасный родительский дом... Меня никогда уже не будет рядом... Прости за пер-

вые нераздельные страхи, прости за то, что не обниму и не согрею тебя, когда будет холодно... Все это разрывает мое сердце...

Ты спросишь: почему? Почему сердца любящие должны терзаться и страдать вдалеке друг от друга? Я теперь и не помню, когда начались у меня приступы моей болезни, но диагносты настаивали на лечении, обещали, что оно займет всего неделю, а оказалось — всю жизнь... Прогнозы неутешительные, скоро память совсем оставит меня, и мир, и все, что в нем есть, поглотит темнота незнания, а главное, исчезнут воспоминания о тебе, о нас...

Знаю, если бы ты узнала о моем недуге, ты бы захотела посвятить свою жизнь заботе обо мне, день за днем доказывая мне свою любовь и преданность. Но самое дорогое в жизни — время, а ты талантлива, ты должна жить, не оглядываясь на мою немощность и не проливая слезы... Потому и решили мы с мамой все скрыть от тебя. Никогда не упрекай ее за это, любит она тебя безмерно, оберегай и поддержи ее в старости...

А у меня совсем мало времени, я приговорен и вряд ли смогу написать тебе позже... Надеяться мне не на что, я останусь здесь до конца своих дней. Жалею только о том, что не увижу тебя больше, не налюбуюсь, как прежде, не поцелую твои глаза и волосы. Хочу написать тебе теперь о главном, договорить, дообнимать и добаловать тебя. Хочу, чтобы ты, не зная ласки моей, проснулась однажды, много лет спустя, опьяненная моей любовью.

Помни, что лучшее мое творение — это ты, это всегда была ты, что бы я ни изобретал и ни придумывал! Ты помнишь, милая, что папа твой изобретатель? И пусть не видят в академиях всей глубины моих изобретений, хоть и одаривают из года в год медалями бесконечными... А, вот, вот, вспомнил, о чем попросить тебя хотел! Собери все мои медали, отдай в мастерскую, пусть перекуют их в ночной горшок, поставь его затем в заветное место, и пускай используется гостями по назначению... Так, точно так все и исполни...»

На полях рядом с последними строками Тая увидела пометы матери о том, что отец шутник и балагур и чтобы она читала письмо дальше и не удивлялась чрезмерно.

«Тая, тебе предначертана заметная судьба, все твои начинания будут отмечены успехом, ведь в день твоего рождения небесные светила расположились особым образом, и случилось затмение. Знай это и будь всегда веселой и ласковой. Ищи общества только приятных тебе людей, делай только то, что любишь, и только с любимыми. Не старайся казаться тем, кем ты не являешься, и никому ничего не доказывай. Не упускай случая сделать добро и будь всегда всем довольна. Тогда и мир будет любить тебя и никогда не обидит, будет заступником твоим в минуты тоски и ненастья.

Не бойся любви, отдавай себя чувству до конца, только так ты узнаешь, что такое быть живой. Не будь недоступной смоковницей, зреющей вдали от людей, плоды ее со временем достаются воронам. Разжигайся мыслями, читай и заучивай стихи страстные, рассматривай чувственные картины и античные статуи. Носи одежду модную, обращай на себя внимание, увлекай походкой и жестами. Слушай всякую от молодых людей пустяковину о том, какие у тебя глаза, волосы и губы, чтобы потом в старости вспоминать, зажмурившись от удовольствия, мимолетные встречи и долгие свидания.

Не обрекай сердце навсегда любить избранника сразу. Разузнай его сперва хорошенько, а главное, беги от характеров для любви губительных. Худой выбор сделает всю жизнь твою несчастной. Меня не будет рядом, чтобы дать тебе благословение, но предостеречь от ошибок я могу, используй советы отца своего себе во благо.

Опасайся стариков, волокуш и селадонов, осуждающих страсть женитьбы ранней. Присуца им только округленность физическая, пороки нравственные и оседлость муж-

чин состоятельных. Такой тип принимает свою супругу скорее за декоративную собаку, за прекрасное украшение для стола, за предмет интерьера, не считает ее существом разумным и скоро пресыщается выбором, переставая интересоваться ее судьбой.

Иной опасный характер узнаешь издали по запаху, зловонный дух нельзя сносить от него без отвращения. Этот тип очень слаб, ленив и досужен, не приспособлен для счастья семейного. Душа его вялая поддакивает всему дурному и не имеет никакой к порокам резистенции. Такой тип, употребив дозу спиртного, не может уже остановиться, а напиваясь до состояния животного, впадает в поведение агрессии, хулиганит, теряет контроль, а протрезвев, всегда сожалеет о происшедшем, но ничего не помнит. В обычном состоянии бабень такой имеет характер человека раздражительного, склонного к волнениям. Такой в конце концов еще и обвинит тебя в том, что ты загубила его талант, не давая ему никакого применения, свалит все на тебя за то, что ты потакала ему, устраивала его жизнь и заботилась о нем, не жалея себя.

Мы всем на свете обязаны родителям своим, без них не было бы нас. Храни наши с мамой вещи, почитай свою фамилию и родовое имя, требуй обращения по отчеству, ведь так ведут беседу не только с тобой, но и с твоим родом, а потому и обращаться должно к людям «на вы», «на ты» же можно адресоваться лишь к самым близким или к тем, кому хочешь показать незначительное свое отношение. Уважай предков своих и сторонись тех, кто поступает иначе. Такой тип и скотину бессловесную может назвать именами родителей себе на потеху.

Тая, будь девушкой современной. Такая, покидая мужчину, не гибнет от голода, не становится пустоцветом. Она не пристраивается и не приспособливается, ищет особого к себе отношения и понимания, и непременно в своей земле. Не должно стремиться к союзу с иностранцем, тем более выходить за него замуж. Как ты узнаешь, порочен или честен он? В его мире ты будешь одна среди чужих, ни одной родной души рядом, никто не утешит и не защитит тебя в случае несчастья. В конце концов он обманет и покинет тебя.

А более всего опасайся диких мужчин, выходцев из примитивных сообществ. Их женщинам должно стесняться своего тела, прятать его от людей и от солнца, сидеть проданной отцом на привязи. А современная девушка, напротив, рождается, чтобы жить по своей воле, чтобы и после замужества по-прежнему нравиться и привлекать, она не должна становиться жертвой или добычей, не должна испытывать страх или смирение.

Важно, чтобы муж твой был счастливым человеком, в союзе счастье требуется на двоих, а где обойденный найдет его еще и для тебя. Пусть избранник твой работает за обоих, нежит и балует тебя, избавляет от трудов тяжелых. Красота его поступков должна соответствовать красоте телесной. Помни, дурной характер и скудные нравственные черты отмечаются в человеке через видимые внешние признаки, не всегда явленные взору невнимательному».

Далее мама пометила на полях, чтобы Тая не воспринимала дальнейшие слова отца всерьез, что это, мол, все его невнятные экивоки.

«Так вот, нервный тик, судороги лица, косоглазие и прочие деформации глаз, болезненность речи, такие, как шепелявость, картавость и заикание, лошадиные торчащие вперед зубы, волчья пасть, заячья губа, открывающиеся наружу или вперед ноздри, чрезмерная малость ушей или резкое их оттопыривание, значительные различия жевательных и мыслительных частей головы и сама голова седлообразная или ладьеобразная, любые видимые диспропорции тела, также и малый рост, родимые пятна, чрезмерная волосатость лица и тела, присущая более животному, чем человеку, — все это признаки вырождения, союз с субъектами такими ведет к утрате радости в жизни, приво-

дит к разочарованию, плоды от них рождаются больными, слабыми, редко душевно здоровыми. Большое число преступников порождается ежедневно из их среды. Когда-то горбунов и карликов сжигали на кострах, косым и рыжим запрещали свидетельствовать, родимые отметины назывались печатью дьявола, а в государствах принимались законы, запрещающие людям с аномалиями появляться на публике. Много их теперь и вокруг меня — безумных, жадных, трусливых, всегда готовых на предательство. Слушай отца, Тая, слушай и сторонись.

Теперь о детях. Союз любящих всегда вознаграждается появлением ангелов. Держа на руках детей своих, мы обнимаем всех не родившихся еще внуков и правнуков. А потому балуй их, не обращая внимания на дурные поступки, огради их от сироты и недовнимания. Подавай пример, стань учителем, помоги найти себя и укажи дорогу к цели. Сам я покинул тебя слишком рано...

Звуки... кто-то идет по коридору, совсем не время для таких шагов... Милая моя, наверное, это ко мне... Ты, будучи ребенком, часто искала у меня защиты, а в эту минуту мне хочется укрыться в твоих объятиях, я безнадежно желаю, чтобы ты, смелая и сильная, оградила меня от этих шагов... Тая, как мне выразить мою любовь к тебе, слишком сильно я тебя люблю... Больше всего на свете я боялся стать обузой для тебя, боялся увидеть в твоих глазах одиночество, когда я рядом, а теперь меня охватывает ужас от мысли, что мы больше не вместе. Шаги приближаются... они уже у двери, ключ царапает замок... Что ждет меня?»

Далее слова неразборчиво расплзались по бумаге.

Тая плакала, последние строки потрясли ее, а мама... как она могла оставить там его одного... В это время такси резко остановилось. Какое-то мерное бормотание внезапно донеслось до Таи, это был не дождь и не шум двигателя. Тая поняла, что таксист обращался к ней, и, судя по всему, уже довольно долго.

— Приехали, — нетерпеливо проговорил водитель.

Тая только теперь обратила на него внимание. В салоне было темно, но свет приборной панели позволил ей разглядеть сидящего за рулем мрачного, тощего, испещренного морщинами старика с неопрятной бородой, с неподвижными печальными глазами. Он внимательно смотрел на Таю, впавшие щеки его лихорадочно подергивались, слабые худощавые руки безучастно лежали на руле. Тая замешкалась, выглянула в окно и, улыбнувшись, обратилась к нему:

— На улице холодно и дождь... Мне нужно забежать в этот книжный, всего на несколько минут, не могли бы вы подождать? Я только куплю подарок для папы, и мы отправимся дальше. Мне не хотелось бы вызывать другую машину.

— Я подожду, — равнодушно ответил таксист. Руки его опустились, двигатель затих, в салоне стало глухо. Тая почувствовала внезапный холод и, подхватив пальто, выбежала на улицу.

2

— Ты не приедешь... — глухо звучал голос в телефонной трубке. По заброшенной улице где-то на краю города, пытаясь защититься от дождя и ветра, шел мужчина. Сгустившаяся мгла, отвратительная непогода и постылый разговор совсем извели его.

— Я еду, сказал же тебе! Где-то здесь должно быть это клятое такси. Вот оно, пожди, — торопливо проговорил мужчина, забираясь в машину. — Где тебя носит, приятель? Двигай, да побыстрее, мне давно надо быть в другом месте. Видишь, ладная моя, я уже еду. Скоро буду у тебя. Ты ведь хочешь, чтобы я скорее оказался рядом?

— Я не знаю... Ты обещал приехать еще днем!

— Прекрати, давай мы не будем ссориться из-за этого, у меня были дела, а тебе надо успокоиться и думать о главном.

— Да, я так и хотела сделать. Но ты не приехал, и теперь я волнуюсь.

— Перестань, я еду. И буду рядом все время, постой... — мужчина рассерженно обратился к водителю: — Ты спишь, что ли? Приятель! Поезжай быстрее, меня ждут! Чего встал?

Таксист оглянулся на пассажира, пальцами убрал с лица растрепавшиеся волосы, щеки его зашевелились, губы исказила гримаса, глаза лихорадочно засверкали в темноте, из горла вырвался тихий сип:

— Беда у меня, горе...

— Чего скрипишь, песочник! О чем ты? Поехали! Ладная моя, слышишь, какой подлец — люди спешат, а он со своим горем лезет.

— Может, стоит послушать его... Иногда разговор лучше любого средства действует, — ответил женский голос в трубке. — А с нами... что будет с нами потом? Наш мир останется прежним?

— Да, ладная моя, все будет хорошо, мы сразу отправимся в путешествие, вдвоем, все будет только для нас.

— Вдвоем... — тихо ответила она. — Я хочу знать, что там у тебя происходит, включи громкую связь.

— Как хочешь. Эй, приятель, так что у тебя стряслось?

Водитель обернулся, руки его непроизвольно дернулись, и такси налетело на бордюр. Старик вздрогнул, резко мотнул рулем и выправил машину.

— Куда жмешься, старый пень! Убить меня хочешь? Смотри на дорогу! — закричал мужчина.

— Виноват... потерялся я со вчерашнего дня, жену схоронил...

— Как так?

— Да никто толком и не объяснил. Провалилась в лихорадке дома несколько дней, вызвал докторов, увезли. Мне в смену выходить, а как отработал, справляться стал, сказали, что и нет ее уже в живых... Операция...

— Холера тебя возьми, свалился ты на мою голову... — заругался мужчина и, включив громкую связь, продолжил разговор: — Милая, не слушай его, кто знает, что там у нее было. Твоя процедура совсем не опасна, естественна даже, я бы сказал. Ты ничем не рискуешь.

— Не рискуешь только ты! — ответили в трубке. — Я же очень многим рискую, это ты хотел, чтобы было так, а я теперь уже ни в чем не уверена! Ты говорил, что это мешает нам! И нет, не будет теперь больше никакого счастья, никакой у нас радости!

— Не надо бояться, многие проходили через это, а потом наслаждались жизнью и свободой. Ведь я говорил тебе, что если ты не хочешь...

— Да, я поняла, я и не хочу... Приезжай быстрее, и мы обсудим это.

— Хорошо, — ответил мужчина и положил трубку. — Останови здесь! — крикнул он водителю.

— Не поедете дальше? — спросил таксист, сбавляя скорость.

— Нет, — ответил мужчина, когда такси остановилось.

Он распахнул дверь и выглянул наружу. Там свистел ветер, но дождя не было, одна непроглядная тьма.

— Почему нет ночных фонарей, такая хмарь на душе, а тут еще... Сколько с меня? — спросил он, выбираясь из машины.

— Не нужна мне твоя плата... и ты никому больше не нужен. Сам ты через три дня вот как будешь! — и старик сложил на груди руки крестом. — Бывают встречи судьбоносные... — просипел он жутким голосом.

Такси, зарокотав двигателем, уехало прочь, а мужчина остался на обочине, вокруг — ни людей, ни деревьев, только ветер и непроглядная тьма. Он хотел было окликнуть водителя, расстроить его скверное предсказание, но потом решил вызвать другую машину. Однако в телефонной трубке не было сигнала. Тогда, подняв воротник плаща, он зашагал вдоль дороги, вслед за удаляющимися и уже едва различимыми сигнальными огнями такси...

А такси катило по дороге, старик распахнул настежь окна, волосы и борода его растрепались на ветру, гортанный скрип еле слышно доносился из горла. Внезапно из его правого рукава показался черный усик, затем второй, неизвестное существо стало ощупывать ими тыльную сторону ладони старика, и вскоре появились длинные жгутики-лапки, а за ними — красное тело и жуткая голова с двумя парами боковых глаз, нервных, непрерывно вращающихся. Добравшись до костяшек кулака, существо замерло, его усики трепетались на ветру под звуки гортанного скрипа его хозяина.

Вдалеке показались огни города, машина выехала из непроглядной мглы на старый мост и заскрипела по его поверхности, оставляя позади темноту, пустоту и недавнего пассажира.

Ночь стояла погибельная, завывал ветер, на небе сгущались тучи, собирался дождь. Двое молодых людей — один крупного, другой более скромного сложения — и изящная, легкая, с виду совсем невесомая девушка спешили, перебраниваясь и громко стуча ногами по тротуару. Парни то и дело выхватывали друг у друга руку спутницы, раскланивались перед ней и старались приобнять. Такси остановилось напротив них, задние двери распахнулись. Увидев это, парни загоготали. Девушка забралась в салон машины первой, а двое молодых людей стали одновременно протискиваться на сиденье следом за ней. Крупный оказался проворнее и, отпихнув скромного на обочину, захлопнул за собой дверь. Тот разозлился и, стукнув кулаком по крыше машины, бежал вокруг нее и сел на заднее сиденье с другой стороны.

— Вовремя, ты папаша. Двигай в центр! Ну и видок у тебя, что за рванину на себя надел? — и молодые люди захохотали.

Двигатель заурчал, набирая обороты, и в тот же момент начался дождь. Крупные капли, разгоняясь на ветру, разбивались о крышу, капот и стекла машины.

— Ливень начинается! — сказал крупный, прижимаясь плечом к своей спутнице. — Давно такой непогоды не видал!

— Куда давишь так, грубиян! — заверещала, возмущаясь, девушка.

— А что, приятель, — обратился крупный к скромному, — тесновато нам сзади втроем?! Тяжело, да и опасно в такую погоду с перевесом по мокрой дороге двигаться!

— Верно говоришь! — отвечал ему его товарищ. — И вправду машина с трудом везет! Лишний в нее забрался, не к месту здесь один из нас! Ты-то, кроха, совсем не в тягость колеснице нашей! — подмигнул скромный девушке, и парни опять захохотали.

Тут крупный привстал с места, перегнулся через подругу, схватил за грудки приятеля и, вдавив в дверь, грозно сказал:

— А раз не к месту! Коли выкину тебя на ходу, сумеешь упасть правильно, чтобы душу из себя при падении не вышибить?

Пытаясь высвободиться из цепкой хватки, скромный, глядя приятелю в глаза, ответил:

— Нет, пожалуй, не сумею! — и продолжил дребезжащим голосом, пытаясь покрепче ухватить крупного за одежду: — А коли и ты следом за мной полетишь, сумеешь безвредно с землею встретиться или сгинешь со мною вместе?

— Да что за дурни вы непутевые! — расцепила парней девушка.

Те не сопротивлялись, и через какое-то мгновение все трое хохотали без умолку.

— Веселые попутчики, — пробормотал про себя старик и, двигая губами, стал разглядывать их в зеркало. Рот его искривился в некрасивой улыбке, а из горла послышался гортанный скрип.

— Посмотрите-ка, видать, приглянулась трухлявому кроха наша, — обратился к друзьям крупный и с силой ударил в спинку водительского сиденья кулаком.

— Чего сипишь, старый?

— Горе у меня, жизнь моя кончилась, надорвалась...

— Другзя, когда же он нас довезет? Поедешь ли ты, собака! Кому ты нужен со своими кончилась да надорвалась! Прибавь-ка! А то наkostenялю!

И крупный еще раз треснул по спинке сиденья, да так, что подголовник глухо стукнул старика по голове. Побледнел старик, губы его от натуги побелели, он взглянул в зеркало на пассажиров недобрым взглядом, но ничего не сказал, только сильнее вцепился руками в руль. Машина стала стремительно набирать скорость.

Крупный тем временем крепко прижался плечом к девице, сжал ее руки в своих руках и взволнованно спросил:

— А что, кроха, рассуди друзей своих. Тяжело нам вдвоем за тобою ухаживать. Не пора ли одному из нас исчезнуть? Стань одному милой избранницей.

Засияла девица, заулыбалась, придумка безобразная прокралась по ее лицу. Стала отвечать она парням игриво:

— Нет, не быть мне вашей. Нет, нет, никак нельзя, забудьте о том, не терзайте меня.

— Что за беда? — возмутился крупный. — Кому же себя отдала? По кому сердце стонет?

— А по тому стонет, кто от беды меня спасет! Да вряд ли такие вздорные балагуры, как вы, для дел опасных готовы!

— Что ты все вокруг да около? Расскажи, как есть. Я, ну мы все для тебя сделаем, все порешаем, — заголосил, выламывая от волнения руки, скромный.

— Ладно, слушайте, — ответила она. — С бабкой я живу. Строгая такая она. Да и не бабка она мне, а мать, поздно меня родила, все собой занималась! Так вот, извела она меня, окаянная. Уже который десяток ей, а все бегают, как заводная, и немощи на нее нет. А меня зажимает во всем, хоть я у нее и единственная. Погубит она меня, замучит! Она книги древние все читает! — и девица изобразила болезненную гримасу на своем лице, а парни глядели на нее в изумлении, затаив дыхание. — Говорит, что придет за моей душой, когда ее не станет, а потому должна я заботиться о ней да себя не щадить ради доброго ее благополучия.

— А ты? — спросил скромный.

— А что я? Слушаю ее и все выполняю, что просит. Но домой как приду, всякий раз сердце леденеет. А она сурово так смотрит, слова ласкового не скажет, ничем не умягчишь ее и не нарадуешь. А на днях сказала, что в тайгу уехать хочет и меня с собой возьмет травы собирать и вести жизнь затворную...

— Так брось ее, не ходи домой! Мы всем тебя обеспечим! — уговаривал крупный.

— Не могу я уйти, худо мне будет. Уходила уже как-то раз да потом лежала в недуге без памяти, пока в дом к ней меня не вернули! Тогда и сказала она мне, что не спасет меня от проклятия материнского ни место, ни молитва, ни человек. Что велико ее слово! И если я сама себе не душегубка, то должна быть рядом... — и девица побледнела, точно приговоренная.

— Боже мой, что же делать? Как же быть? — повторяли наперебой парни.

Девушка смотрела то на одного, то на другого, видно было, что внутри нее отчаяние борется с решимостью. Она сжала крепко руки парней и проговорила голосом, окончательно и бесповоротно подчинившим волю парней:

— Слушайте, что я скажу. Укротить старуху мою одним только способом можно. Придушить ночью, только чтобы уста и очи обязательно прикрыты были, тогда слова черные с ее губ не слетят, а глаза порчу не посеют. Затем надобно в ковер ее и бечевками стянуть покрепче, а после тело и дух предать огню, а пепел рассеять в полнолуние на перекрестке четырех дорог. Так мне знающий человек сказал. Мистик он, священные книги читает и имеет влияние страшное на всех проходящих к нему.

В этот момент такси резко бросило сперва в одну сторону, потом в другую, пассажиры сбились в кучу, крупный стукнулся сильно об стекло головой. Но водитель сумел удержаться на дороге, вывел машину из виража и, сбросив скорость, почти остановил ее.

— Все в порядке? — спросил у друзей крупный. — Ты что, трухлявый, смерти нашей хочешь?!

Парень схватил старика за шею сзади, намереваясь придушить. Но пальцы его провалились сначала во что-то мягкое, а потом коснулись чего-то твердого. Ему показалось, что он достал руками до костей старика. Он испуганно расцепил руки, отдернул их и затих, ничего не сказав своим товарищам.

Какое-то время они ехали в тишине, затем молчание прервал скромный:

— Я согласен, сделаю это для тебя.

Крупный молчал, и тогда девушка обратилась к нему:

— А ты? Молчишь? Ладно, видать, не для тебя мое счастье...

Достав из-за пазухи ключи, она хотела придвинуться ближе к скромному, но крупный остановил ее:

— Я тоже согласен, давай ключи, он все равно без меня не справится...

В этот момент машина остановилась.

— Выметайтесь, негодяи! Живо! — захрипел зловещим голосом старик. Он обернулся. Страшен был его вид: безумные глаза, всклокоченные волосы, искривленный, ослабившийся, с огромными клыками рот, в левой руке — скрюченная, заточенная с двух концов короткая жердь, а на правом плече — омерзительный паук.

Парни вскрикнули и кинулись вон из автомобиля, позабыв про подругу. Услышав ее визг, крупный бросился обратно и выволок ее за руку на улицу. Двери такси захлопнулись, и машина тронулась, забирая с собой единственный на всю округу источник света. Вскоре молодые люди остались в полной темноте.

— Вот ведь недоумок, псих какой-то. Куда он завез нас? Не видно ничего... — причитал скромный.

Девушка безутешно плакала. Крупный молчал.

— Успокойся, все нормально. У меня телефон не работает, проверьте свои. Мы выберемся, мы не могли далеко уехать, — успокаивал подругу скромный.

— Не выберемся мы никуда! Когда вы меня бросили, он просипел мне, что встреча наша судьбоносна и через три дня мы вот так будем! — и, продолжая рыдать, она скрестила на груди руки.

3

Тая вернулась из магазина, мысли ее были возбуждены, возможность скорой встречи с отцом согревала ее, но еще больше она радовалась своему приобретению — подарку, который должен был понравиться отцу. Это был его любимый роман — свежее издание с особенным переводом, ее переводом. Она вспоминала дни, когда они вместе с ним перечитывали роман, страницу за страницей, вникая в повороты сюжета. Она помнила все особенные, важные для него места, они хранились в ее памяти,

и годы спустя, читая роман в оригинале, она сделала свой особенный перевод и добилась его публикации. Ей всегда казалось важным сделать перевод именно этой книги — в память о папе.

Такси ожидало ее, рядом стоял угрюмый, укутанный в плащ от дождя дворник, держащий в руках старую метлу. Ею он сгонял грязь, листья и прочий мусор в потоки воды, стремившиеся в расположенные неподалеку стоки. Что-то странное было в этом дворнике, который работал в такую непогоду, но не был этим ни увлечен, ни раздражен. Внимание его было занято иным, совсем не связанным с работой: он силился разглядеть, что находится в салоне стоящего на обочине дороги такси. Увидев приближающуюся к машине Таю, он неуверенно обратился к ней:

— Извините, который теперь час?

Тая взглянула на часы и ответила.

— Не садитесь в эту машину, дождитесь другой, — взволнованно проговорил он, — нехорошая это машина, гибельная.

— Ну что вы, дядя, пугаете незнакомых людей! Мы уже много вместе проехали, водитель любезно остановился и ждет меня, а вот вы совсем промокли. Ступайте лучше домой, а то так и простыть можно.

Тая улыбнулась и нырнула в салон такси. Двигатель зарокотал, и машина тронулась с места. Долго еще дворник провожал взглядом ее сигнальные огни, расстраиваясь и одновременно сердясь на что-то.

Тая перечитывала письмо отца, его прощальные строки превратились для нее в слова любви и надежды. В магазине она дозвонилась до клиники, в которой лежал отец. Узнала, что он жив, но так как время посещения закончилось, увидеть его можно будет только завтра. Сегодня никак нельзя, но учитывая обстоятельства, медсестра пообещала поговорить с главным врачом и перезвонить, если тот разрешит посещение. Тая решила ехать в клинику в любом случае, и даже если ей не дадут сегодня увидеться с отцом, она хотела устроиться где-нибудь недалеко на ночь и завтра с самого утра отправиться к папе.

Внезапная музыка будто пробудила ее. Тая посмотрела в зеркало заднего вида и увидела в нем грустные, мутные глаза водителя.

— Праздник сегодня, — тихо сказал он.

Тая хотела уже согласиться, но он продолжил:

— Иконы Божией Матери! А эта музыка — молитва. Особенное время теперь, время смирения и поминовения.

Тая поняла, что иной, совсем не такой, как у нее — неясный, — у водителя праздник.

— Я всю дорогу разговаривал с вами, а вы не проронили ни слова... — с укором проговорил он.

Тая хотела было рассказать ему о себе, поделиться новостью, которая перевернула ее жизнь, но что-то ее остановило.

— Ну, да это ничего. Теперь каждый раз так, бесполезно искать у людей сочувствия. Чужие мы друг другу. И я здесь чужой, приехал из далекого города, но теперь уж не покину эти места никогда... — и он тихо-тихо заплакал.

— Что с вами? Что не так? Что такое с вашим городом? — осторожно спросила Тая.

— Все не так... Близких моих там нет, навсегда они останутся тут, а потому и я никуда не уеду. В столицу мы приехали за помощью. Говорили, случай сложный, там помогут, — больные, воспаленные глаза разглядывали в зеркало Таю, следили за ее реакцией. — И вот мы приехали, назначили операцию, все приготовления прошли хорошо, говорили, что жена чувствует себя нормально, а ребенку не терпится появиться на свет, а больше мне знать не положено, да и вообще особо со мной не церемонились... По квоте мы были, пустые карманы — так они называли нас за глаза...

Тая тихо слушала, ей захотелось помочь, утешить, успокоить, хотя бы выслушать водителя. А он продолжал:

— Время шло, отведенные для процедур часы давно истекли, врачей все не было и не было. Никто ничего не говорил. И вот вечером появился врач, вид у него был уставший и обеспокоенный. Он сказал, что операция прошла скверно, подобранные лекарства не подошли, а только вызвали болезненную реакцию, но врачи сумели сохранить жизни и матери, и дочери. Они очень слабы, но скоро их можно будет увидеть... — водитель прервал рассказ с улыбкой, но что-то болезненное, странное было в этой улыбке.

— Ночь мы провели вместе, я не мог налюбоваться своими белоголовицами, чувствовал их тепло, вдыхал ароматы, мое счастье было безбредным. А утром снова появился врач, сказал, что не может более нас здесь держать, что мы должны были выписаться еще вчера, что мы по квоте, пустые карманы, а у них очень большая платная очередь, что теперь нас перевезут в простую районную больницу — без особых условий, но чистую и с прекрасными специалистами, которые обеспечат уход и матери, и ребенку.

Мы не спорили, были благодарны, что все разрешилось так для нас удачно... И вот я смотрел, как моих дорогих разместили в салоне «скорой помощи», как жена прижимала дочку к своей груди, как глаза ее улыбались и плакали одновременно, а губы шептали что-то о любви. Я следовал за ними на своей машине, мы остановились на светофоре, лучи солнца щекотали мне глаза, заставляли их танцевать и подмигивать, день был чудесный, и мысли мои были где-то далеко. Загорелся зеленый, мы тронулись, выехали на широкий перекресток, картину прекрасного утра внезапно сменила налетевшая откуда-то тень. Резкие звуки скрежета и автомобильных сигналов заглушили трели птиц, что-то грубо подбросило мой автомобиль, острая боль пронзила сначала плечо, а потом и все тело, руль выскочил из моих рук, и меня кинуло куда-то назад. Я ничего не осознавал, думал только о машине «скорой помощи»... Потом я потерял сознание, а когда пришел в себя, то пожалел, что не оставил тогда этот мир навсегда. Родных своих я больше не видел.

Тихо и глухо вдруг стало в машине, водитель приоткрыл окно, и влажные, прохладные потоки ветра закружились вокруг Таи, заиграли ее волосами.

— Мне очень жаль, сочувствую вашей утрате, знаю, как горько и больно переживает сердце уход самых близких, — негромко проговорила Тая.

— Знаешь... тебе жаль... нет, не думаю... Вижу, что мыслями ты далеко, радостное что-то у тебя случилось, счастье какое-то внезапное произошло. А я вот теперь совсем не могу вынести чужого счастья, предпочитаю ему гибель, нужду, трагедию. Улыбки других людей сжимают сердце мое беспощадно, сбивают дыхание, путают мысли. Плохо мне, устал... С жизнью хочу расстаться...

Эти слова страшным, холодным дуновением пробежали по телу Таи, сердце ее насторожилось. Только теперь она обратила внимание на бережно разложенные водителем на приборной панели машины вещи: смятую фотокарточку, почерневший изогнутый крест и мутного цвета пинетку. Счетчик был выключен, навигатор не работал. Тая убеждала себя, что водитель едет по памяти, а не наугад. Она выглянула в окно — город окутала вечерняя мгла, вокруг была незнакомая местность. Тая заметила, что машина двигалась по мокрой дороге очень быстро. Нужно было срочно что-то предпринять — что-то, что сделало бы ситуацию опять обыденной, безопасной — ради встречи, ради папы.

— Вы пугаете меня. Не стоит о таком думать. Жизнь — единственная ценность, которой мы располагаем, как бы повседневно это ни звучало. А память продлевает жизни наших родных, пока мы помним их, они живут в наших воспоминаниях.

Тая пыталась понять, как воспринял водитель ее слова, но тот лишь ссутулился за рулем и склонил голову. И вот он зашевелился:

— Память, говоришь. Что такое память? Это то, что мы знаем о других. А я осознал, что, прожив столько лет с супругой, так и не узнал ее по-настоящему, так и не интересовался, какие она любит книги, чего желала, о чем мечтала в детстве. Я не спросил, как она хотела назвать нашу дочку, довольна ли жизнью со мной. Я даже не знал, какие она любила цветы, и в похоронном бюро не смог сделать выбор, доверив его ритуальной службе. Так какую память я могу о ней сохранить? Зачем жить мне теперь, если не осталось у меня даже памяти...

— Живите делом, — предлагала испуганно Тая, замечая, что скорость их движения все увеличивается, — трудом займите свои мысли и время, вложите боль свою и переживания в творчество, все это вас преобразит, поможет обрести смыслы.

— Делом, трудом, творчеством... руки мои опустились. Нет больше ни сил, ни желания. Я и в такси пошел, чтобы найти человека равнодушного — того, кто выслушает и поймет, человека с сердцем живым, пробудившимся, но нет таких, не было и не будет. Одни мертвецы кругом. Встречал я только любопытных или безжалостных. В глазах пассажиров своих видел я лишь отражение болезней души человеческой, лишь одни глаукомы да катаракты. Не могу больше смотреть людям в глаза. Да и ты встрепнулась лишь потому, что горе мое задеть тебя может, жизнь свою пожалела...

В это время Тая на телефон поступило сообщение из клиники. Медсестра написала, что отец хорошо себя чувствует и врач разрешил его сегодня увидеть.

«Папа, милый папа, как это все некстати, это такси, эти проблемы, но мы обязательно должны встретиться, я все для этого сделаю...» — думала про себя Тая.

— Это от папы. Мы не виделись с детства, я думала, что он умер, что потеряла его навсегда, и вот он вновь появился в моей жизни. Никогда не знаешь, как преобразится твоя судьба. Сегодня я вновь обрела отца, вернула воспоминания о родительском доме. И вам стоит съездить к себе на родину, родная земля всегда особенная, она оберегает и силы дает.

— Не поеду я никуда, не оставлю своих. Все уже решено...

Машина тем временем влетела на широкий мост, слева и справа от нее раскинулась темная водная бездна, и лишь хлипкие ограждения отделяли дорогу от водной пропасти.

Тая попыталась набрать номер службы спасения, но связи почему-то не было, потрогала язычок пассажирской двери — заклинило. Открыть ее она не могла, да и выпрыгивать на ходу на такой скорости опасно.

— Послушайте, я бы хотела, чтобы вы немедленно остановили машину. Да, наша встреча не случайна, все в этой жизни взаимосвязано. Вы искали сочувствия, понимания и наконец встретили меня. Я — ваш шанс все поменять, отменить неправильные решения. Идите в храм, в конце концов, поговорите с батюшкой, попросите прощения за мысли свои скверные, за то, что напугали меня. Остановитесь, пожалуйста!

Машина вильнула, завизжали тормоза, и такси остановилось.

— Прощайте, — проговорил водитель.

Тая выскочила из автомобиля под проливной дождь, а такси резко рвануло вперед и быстро исчезло.

Где высадил ее водитель, Тая не знала, но была рада тому, что ее поездка с ним закончилась. Зачем он все это ей рассказал, что собирался сделать, чем это могло завершиться — она боялась даже думать об этом. А теперь придется долго идти, но ничего, лишь бы не садиться в новое такси.

Она шла по мосту в обратную сторону. Высота открывающейся по обеим его сторонам пропасти ужасала ее. Далеко внизу виднелись выступающие из воды камни, па-

дение стало бы роковым, но хорошо, что все сделалось так, как сделалось. Задул сильный ветер, сигнала в телефоне по-прежнему не было. Должно быть, из-за непогоды. Тая было холодно и страшно, одежда ее промокла, голова сильно болела, но думала она не о себе, а об откладывающейся встрече с отцом и о том, что купленная в подарок книга мокнет.

Внезапно далеко впереди появились огни. Это было такси. Тая съежилась и отошла подальше от проезжей части. Такси поравнялось с ней и остановилось. Задняя дверь распахнулась, и она услышала хриплый голос:

— Дурная сегодня погода для прогулок, садитесь, я подвезу.

За рулем сидел седой, бледный старик, совсем непохожий на недавнего водителя. Тая замешкалась, но затем неуверенно села в салон такси, назвала адрес клиники, сказала, что спешит, но не хочет рисковать и просит вести автомобиль осторожно. Она также попросила включить печку, и водитель, запросив у нее плату вперед, включил обогрев и начал движение.

— Простите, — обратилась к нему Тая, увидев, что машина следует в сторону моста, — нам разве не в другую сторону? Я очень спешу, мне надо встретиться с папой.

— Не беспокойтесь. Это самый короткий путь. Вы обязательно встретитесь. Бывают встречи судьбоносные... — просипел старик.

Его руки крепко сжали руль, а из рукава показались маленькие черные усики.